

ФРЕДЕРИК БАРБЬЕ

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК

Коллекционеры

Тексты

Здания

УДК 94(3) + 94(4)

ББК 63.3(0)

B24

Frédéric Barbier
HISTOIRE DES BIBLIOTHÈQUES
D'Alexandrie aux bibliothèques virtuelles

Перевод с французского Натальи Рашковской

Дизайн обложки Алексея Коннова

Барбье Ф.

B24 История библиотек: Коллекционеры. Тексты. Здания / Фредерик Барбье ; [пер. с фр. Н. Г. Рашковской]. — М. : Колибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 448 с. ; ил.

ISBN 978-5-389-27479-2

С древнейших времен библиотеки бережно хранят и передают огромное количество культурной памяти цивилизаций из эпохи в эпоху. Но должны ли мы понимать их лишь как институты культурного обмена? Или библиотека — это коллекция книг и помещение, где они хранятся? Может ли она стать средством легитимации власти, настоящим политическим трофеем или научной лабораторией?

Известный французский исследователь Фредерик Барбье рассказывает историю этих уникальных учреждений от самых истоков, с момента появления библиотечного дела до систематических и алфавитных каталогов, от невероятного изобретения Гутенберга до цифровых библиотек в Интернете. Древнейшая библиотека Ашшурбанапала, Александрийский Мусейон, рукописи Каролингского Возрождения, монастырские и королевские, частные и публичные — библиотеки создают особый интеллектуальный мир со своими правилами.

УДК 94(3) + 94(4)

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-389-27479-2

© Armand Colin 2021, second edition, new presentation, Malakoff
ARMAND COLIN is a trademark of DUNOD Editeur – 11, rue Paul Bert -
92240 MALAKOFF

© Рашковская Н. Г., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Колибри®

Вступление. Библиотека: слова и вещи

История текстов неотделима от истории книг, в которых они передаются, а история книг, в свою очередь, проистекает из истории собраний книг. Через историю таких собраний вырисовывается важный аспект культурной жизни: книги сделаны людьми для людей, и собрания книг показывают, что беспокоило общество, которое их создало <...> или растеряло.

Луи Хольц [1]

Зачем нужна история библиотек?

Актуальность и неактуальность

Может показаться, что история библиотек, которой посвящено множество научных работ, сегодня становится неактуальной: что у нас, в эпоху Интернета и новых медиа, общего с этими пыльными и уединенными учреждениями? Этот феномен подчеркивается дематериализацией, которая образует «третью информационную революцию» [2] и позволяет размещать в сети массивы нового контента: каталоги библиотек (ОРАС) и серии метаданных, а также сами библиотеки в форме цифровых текстов. Экономика медиа претерпевает глубокие изменения, и для получения доступа к информации больше не нужно, как раньше, куда-то идти или ехать. Между тем библиотека в первую очередь — это общедоступное хранилище текстов, не так ли?

Однако сегодня библиотеки, возможно, могут рассказать нам еще больше, чем вчера, и вопрос библиотек, безусловно, остается актуальным: достаточно рассмотреть движение по созданию «медиабиблиотек», или внимание, уделяемое функциям национальных библиотек, в особенности в отношении вопроса идентичности. Разнообразие библиотечных структур (публичные, университетские, специализированные, национальные и т. д.) позволяет предположить, что говорить об их неактуальности было бы заблуждением, но функции библиотек меняются: библио-

теки удовлетворяют одну или несколько «ежедневных» потребностей, будь то потребность в информации (не все можно найти в Интернете) или развлечениях (никогда не публиковалось так много книг, как сейчас), а также обеспечивают равенство (предоставляют доступ к информации и обучению тем, у кого не всегда есть на это средства), следовательно, демократию, или, как еще можно сказать, коллективную идентичность.

Взгляд в прошлое позволит нам пролить свет на современную проблематику.

Традиционная история

Несмотря на вполне реальный прогресс, в изучении истории библиотек мы находимся примерно на той же стадии, на которой находилась история книги, когда Люсьен Февр жаловался во вступлении к первой статье, опубликованной Анри-Жаном Мартеном в «Анналах» в 1950-е годы:

История книги — это terra incognita. Не то чтобы научных работ не хватало <...>. Но <...> история книгопечатания лишь в редчайших случаях рассматривается как часть общей истории. Литературоведы до сих пор могут целыми днями рассуждать об авторах, не ставя перед собой тысячу вопросов о печати, публикации книг, вознаграждении, тиражах, подпольном существовании книг и т. д., которые бы заставили их посмотреть правде в глаза. Исследователи экономической истории все еще могут себе позволить обращать самое рассеянное внимание на отрасль <...> во многих аспектах сугубо капиталистическую <...>. То же самое относится и к историкам религии, морали или политики. Всем им нет оправданий <...>. Научная работа продолжается — но историческая работа должна на ней основываться и вытекать из нее, а этого не происходит. И очень жаль.

Дело в том, что история библиотек в течение долгого времени рассматривалась в самой классической манере, в форме моно-

графий (типа «История библиотеки...») или же сводной информации по отдельной стране [3]. При этом мир библиотек остается в профессиональном плане на периферии науки.

Библиотеки — это не университеты в институциональном смысле этого слова, и эта ситуация приводит к тому, что, по крайней мере, с точки зрения истории мы остаемся несведущими в этой очень богатой сфере. «[Во Франции] библиотеки и их история остаются для многих [историков] малозначимой темой, о чем свидетельствует почти полное отсутствие упоминаний библиотек в многочисленных работах по истории культуры или истории образования» (Доминик Вари на 160-м конгрессе библиотечарей Франции).

Хотя первые шаги в области истории библиотек, логики их организации или даже практики чтения и использования книг сделаны, история библиотек сегодня должна стать не просто научной историей: было бы уместно обобщить вопросы, которые волнуют нас тем более, что мы переживаем период более существенных изменений и должны попытаться их оценить.

Материальная история мысли

Идеализация объектов исследования, когда речь идет об истории абстрактных объектов и творчества (истории идей, истории искусства и т. д.), часто заставляет думать, что материальные соображения определенным образом испортят мир идей. Известно, что начиная с XVIII века велись ожесточенные дискуссии по вопросу выплаты авторского вознаграждения, ведь в результате продукт творчества становится своего рода товаром [4]. Вкратце, если воспользоваться формулировкой, предложенной Жаном Ивом Молье: совместимы ли «деньги» со «словесностью»? [5]

Однако текст нельзя воспринимать как абстрактную сущность, поскольку его можно увидеть и прочитать только благо-

даря определенному носителю (интерфейсу), и материальные условия его функционирования (в том числе на финансово-экономическом уровне) оказывают глубокое влияние даже на его содержание и определяют его потенциальное восприятие. В этом вся суть поставленных вопросов «книжного» и «текстового» форматов, что заставляет пересмотреть самые общие категории, такие как «автор» (кто отвечает за текст, предложенный читателю?), «текст» (принимающий множество форм) и вообще «литература». Как отмечает ряд исследователей, от Жоржа Дюби до Луи Хольца и Алена Либера, мысль разворачивается только в исторической среде с некоторым количеством ограничений и опирается на ряд материальных инструментов, институтов и практик, которые обеспечивают то, что мы называем логистикой. В конечном счете существует же инструментальная история мысли, история чтения, письма, книг или дискуссий, что неизбежно усложняет историю концепций и историю институтов [6].

Свою роль непременно играют не только материальные условия работы и интеллектуальной деятельности, влияние мира библиотек на мир идей также ощущается через специализированные методы, постепенно разрабатываемые для обращения с книгами, например, посредством стандартизации библиографических описаний или разработки систем классификации. В то время как вопросы о происходящих изменениях становятся все более насущными, именно эта инструментальная история лежит в основе проекта историков книги и историков библиотеки и поддерживает актуальность их работы.

Сегодня мы лучше осознаем тот факт, что экономика средств медиа, или «социальных средств коммуникации» (Анри-Жан Мартен) включает определенное количество категорий, которые мы склонны считать заданными априори: такие категории, как текст, автор, издание, права на литературное произведение, даже литература и т. д., следует рассматривать как исторические явления. Если ограничиться только примером текста, то история книги и чтения показывает, что существует не один текст, а тек-

сты, меняющиеся от одного издания к другому, даже от одного экземпляра к другому; что эти тексты можно читать только в определенном «книжном формате», который включает их возможное присвоение, но меняется в зависимости от материальной формы носителя; и, наконец, что за текст, предлагаемый читателю, отвечает не только автор — в классической схеме необходимо привлечь издателя (в коммерческом смысле), типографию, возможно, иллюстратора, переводчика, не забывая и о самом читателе, который в конечном счете и конструирует текст как текст, присваивая его. Библиотеке не избежать установок инструментальной истории, эта зависимость еще сильнее, чем в других областях, связанных с книгами и писательством [7].

Лексика

Но что же такое библиотека? Парадоксальным образом, банальность определенных терминов делает их более прозрачными: если каждый думает, что знает, что же такое книга или библиотека, то это потому, что само слово, употребляемое ежедневно и «бездумно», больше не кажется загадкой. На самом деле это только иллюзия, и, как показали немецкие исследователи, история лексики также представляет собой очень важный путь понимания истории дискурса, мысли и идей [8].

Библиотека (Bibliothèque)

Слово «библиотека» происходит от греческого βιβλιοθήκη, что означает «книжный шкаф». Под библиотекой подразумевался сначала предмет мебели, определяемый своим содержимым, свитками (volumina), затем книгами в виде скрепленных вместе листов (кодексами); в более широком смысле термин стал обозначать помещение (помещения) с такой мебелью. Греческий термин попал в латинский язык (biblioteca) и использовался, например, для обозначения новых учреждений, основанных императорами

и доступных для публики (римские библиотеки). На протяжении значительного отрезка средневековой эпохи он оставался редким и практически забытым: в этот период предпочитали использовать латинское слово «armarium», означающее «шкаф с книгами» (нем. Bücherschrank). Производное «армариус» обозначает человека, отвечающего за книги, другими словами, библиотекаря или библиотекаря-архивариуса, чаще всего в монастыре.

Посредством метонимии термин «библиотека» также переносится на содержание одной или несколько книг. Ветхий Завет считается «библиотекой», как и поэмы Гомера, поскольку они представляют собой тексты, включающие весь человеческий опыт. Сочинения Отцов Церкви составляют сборник Bibliotheca Patrum, а в конце XVI века Круа дю Мэн и дю Вердые опубликовали два библиографических справочника французской литературы, назвав их «библиотеками» [9]. Постепенно это слово начинает употребляться скорее в значении редакционного сборника («Зеленая библиотека» издательства Hachette). Следуя той же логике, слово «библиотека» сегодня применяется к набору дематериализованных текстов, предоставляемых читателю через Интернет: это «цифровые библиотеки», или «виртуальные библиотеки» типа Google Books, или Gallica, электронная библиотека Национальной библиотеки Франции.

Такая полисемия значима: слово «библиотека» отсылает как к физической сфере (определенное пространство, предметы и т. д.), так и к абстрактному содержанию (тексты, составляющие некий комплекс).

Librairie

Librairie — слово, наиболее часто используемое в Средние века для обозначения библиотеки в ее пространственном выражении. Оно происходит от латинского прилагательного librarius, означающего «книжный» (от liber, книга). Это слово, используемое как субстантивированное прилагательное, обозначает функцию: книготорговца, то есть библиотекаря (в монастыре)

и переписчика или (с XIII века) руководителя мастерской, где переписывали и продавали рукописные книги (фр. librègre, книготорговец). То же существительное, но в среднем роде (librarium) означает книжный шкаф, а в женском роде (libraria) — собрание книг, библиотеку. По мнению Вальтера фон Вартбурга [10], это последнее слово соответствовало не женскому, а среднему роду множественного числа слова *librarium* со значением «несколько книжных шкафов». До XVI века, а иногда и позже, Королевскую библиотеку обозначают не словом *bibliothèque*, а именно *librairie*, вверяя ее «мэтру» и «хранителям». Нам известно, что тем же словом, *librairie*, называл свою библиотеку Монтень, и столетие спустя Лафонтен все еще использует этот термин в значении «библиотека» в своей балладе об Эскобаре и янсенистах (1664):

De ses écrits dont chez lui l'on fait cas,
 Qu'est-il besoin qu'à présent je les nomme?
 Il en fait tant qu'on ne les connoît pas.
 De leurs avis servez-vous pour compas,
 N'admettez qu'eux en votre librairie,
 Brûlez Arnauld avec sa coterie...¹

Слово *bibliothèque* используется во французском языке в значении «место для книг», с конца XV — начала XVI века (Исторический словарь французского языка «Robert»² дает дату 1493 год). Это употребление утвердилось в XVIII веке, о чем сви-

¹ Известные в стране той сочиненья

Зачем сейчас я буду называть?

Их столько, что нам все и не узнать.

Пусть компасом послужат вам их мненья.

В библиотеке их советую держать.

Арно же ересь на костре сжигать. — *Здесь и далее, если не указано иное,*

прим. пер.

² «Le Grand Robert» — исторический словарь французского языка, который также является толковым словарем. — *Прим. ред.*

детельствует Энциклопедия (статья «Библиотека»¹), где подчеркивается пространственный характер определения и важность классификации и расстановки книг по порядку: «Библиотека в прямом смысле слова означает место, предназначенное для размещения книг. Библиотека — это более или менее обширное пространство, с полками или шкафами, где книги расставлены по разным классам: об этом порядке мы поговорим в статье “каталог”».

Таким образом, от предмета мебели значение слова постепенно расширилось на помещение, где расположена мебель (комнату), а затем на здание (здание библиотеки). Конечно, слово «библиотека», в зависимости от ситуации, также обозначает публичное или околосударственное учреждение (Королевская библиотека, позже Национальная библиотека и т. д.).

Социология лексики

Вальтер фон Вартбург выдвигает гипотезу, согласно которой замена слова *librairie* на *bibliothèque* с конца XV века произошла из-за повышения значимости печатных книг по сравнению с рукописными. Слово *librairie* обозначало более ограниченное собрание книг, чем *bibliothèque*. Не будем углубляться в эту теорию, но констатируем, что аналогичная замена произошла в немецком языке: вместо *Liberey* стали использовать *Bibliothek*. Так и Лютер в своих «Застольных беседах» говорит, что не стоит публиковать текст в форме толстого тома, если желаешь, чтобы его прочитала широкая публика, потому что толстые тома создаются «для библиотек (*bibliothecae*), и никто их не покупает и не читает <...>. Кто сегодня покупает “Труды” Блаженного Августина или Эразма? Они спят в библиотеках. <...> Гораздо лучше напеча-

¹ Имеется в виду «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел» — французская энциклопедия эпохи Просвещения, одно из крупнейших справочных изданий XVIII века, написанная французскими учеными-энциклопедистами Дени Дидро и Жан Лероном д'Аламбером.

тать [мой текст] отдельно, потому что так он останется у простого человека».

Латинский термин в этом тексте на разговорном немецком языке выбран, чтобы обозначить эти закрытые учреждения, предназначенные только для владеющих латынью священнослужителей, где книги спят, всеми забытые и ненужные. Эжен Морель подхватил эту идею, поместив в начало своей книги «Общественная библиотека» несколько провокационную — а сегодня просто необычную — формулу: «Какой педант изобрел слово *Bibliothèque*, оставив французское слово *Librairie* англичанам? <...> Слово [*bibliothèque*] новое, варварское, но после нескольких веков попыток оно акклиматизировалось во Франции. Им обозначают книги, которые хранят, а не дают читать» [11].

Никто не усомнится в том, что использование определенного слова относится к социологии употребления, даже если обсуждение обычных терминов кажется тщетным. Морель допускает это со стратегической целью (для него речь идет о внедрении англосаксонской модели бесплатной библиотеки во Франции): «Какая разница, что за слово используется? Почти никакой, если само явление существует <...>. Но то, что почти ничего не значит, когда явление уже существует, играет огромную роль, когда оно только создается. Нужно понять новое явление, а чтобы его понять, нужно использовать слова. Так что слово имеет значение».

Явления: библиотеки и культурный трансфер

Итак, библиотека означает корпус текстов (собрание текстов), размещенных в определенном пространстве (пространстве библиотеки). При этом главенствующая характеристика этой пары «содержание/помещение» заключается в ее глубокой включенности в логику культурного трансфера, причем на разных уровнях [12].

Библиотека как институт культурного трансфера

Поскольку речь идет о письменной культуре, библиотека сама по себе является институтом трансфера, в той мере, в которой она предлагает пользователю более или менее существенную часть информации, доступной в письменном виде в определенный момент времени. Если в современной частной библиотеке эта часть ничтожно мала, то она куда более значительна даже с точки зрения здравого смысла в национальной библиотеке энциклопедической направленности:

- Нельзя найти? В книжном магазине — может быть! Но мы точно это найдем в библиотеке Британского музея, вот увидите!
— Как-то я об этом не подумал! [13].

Роль библиотек в процессах трансфера тем более велика, что до XIX века мы находились в ситуации, когда основным средством культуры на Западе была книга — термин, который мы понимаем здесь в самом широком смысле — рукопись или печатная книга, а также документы, периодические издания и т. д.). При этом долгое время книга продолжала оставаться относительной редкостью. Таким образом, функция библиотеки, места, где доступны книги, является стратегической с точки зрения трансфера и присвоения культуры. Так, перенос классической греческой культуры в доимперский и имперский Рим состоялся благодаря импорту книг и созданию «открытых» библиотек, причем первые из них были трофеями, захваченными на Востоке. В начале V века н. э. Блаженный Августин, который не очень хорошо знал греческий, прибег к переводам на латынь, имеющимся, в частности, в библиотеках крупных политических центров, таких как Рим и Милан, но также и Трир и т. д.: «Ты, Господи <...> доставил мне через одного человека, надутого чудовищной гордостью, некоторые книги

латоников, переведенные с греческого на латинский» (Исповедь, VII, IX)¹.

Еще позже, в эпоху Великой французской революции, в связи с появлением новых «национальных библиотек» после конфискации имущества аристократов, роль библиотеки в трансфере культуры теоретически осмысливается как с точки зрения гуманистической, так и с политической.

Модальность трансфера: содержание

Трансфер культуры через книгу в рамках такого учреждения, как библиотека, происходит в трех основных модальностях:

- В первую очередь благодаря чтению доступного текстового содержания «в настоящем времени».
- Трансфер также может быть «и протяженным во времени», в той степени, в которой библиотека является местом хранения текстового наследия, к которому можно обратиться. В таком случае трансфер осуществляется на двух уровнях, в зависимости от того, уделяется ли внимание прежде всего самому тексту (например, если речь идет о недавнем издании более или менее старого текста, как «Гаргантюа» Рабле), или же старинному носителю текста (редчайшее издание «Гаргантюа», напечатанное в Лионе в 1534 году). Вопрос цифровизации и виртуального существования библиотеки пока остается за рамками нашего исследования.
- Наконец, третья модальность показывает культурную географию, поскольку библиотека не обязательно предлагает читателю контент, относящийся к культурной среде читателя (в первую очередь лингвистической), но обеспечивает более широкий выбор. Таким образом, она представляет собой зеркало самого медиа, в данном случае — книги, в качестве носителя, обеспечивающего трансфер. Импорт «инострного»

¹ Здесь и далее цитаты из Исповеди Блаженного Августина приводятся в переводе М. Е. Сергеенко.

может осуществляться прямо (как иностранный контент или, в частности, контент на иностранных языках) или косвенно (этот контент становится объектом трансфера при помощи перевода, как показывает пример Блаженного Августина). Определенным образом библиотека как область деятельности, связанная с книгами, через письменные источники обеспечивает контакт между лингвистическим и политико-культурным пространствами, которые, впрочем, становятся во многом автономными.

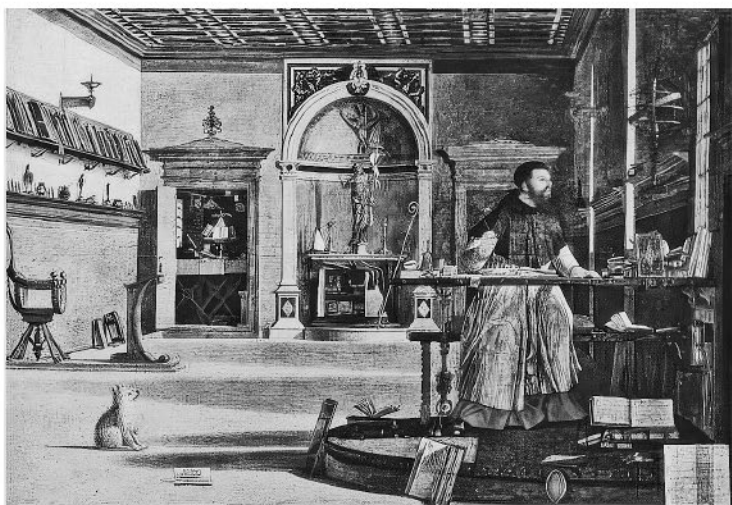
Модальность трансфера: практика

Однако теория культурного трансфера показала, что он не функционирует однозначно, а развивается в разных планах и следует разной логике. Библиотека в роли института трансфера выступает подтверждением данного факта. Фактически она формирует конкретное пространство, гарантируя определение и организацию некоего корпуса текстов: здесь находится комплекс дискурсов, обусловленный этим объединением. Функция обеспечения доступности данного контента может осуществляться путем простого хранения и упорядочивания, но также может включать в себя и более сложные подходы, например подход классификации. Ниже мы вернемся к этому аспекту, а здесь просто подчеркнем, что библиотека как репрезентативный институт сама по себе является объектом культурного трансфера. Проиллюстрируем этот факт тремя пунктами:

- Как показывает современное библиотечное дело, практику которого кардиналы-министры перенесли из Италии во Францию в первые десятилетия XVII века, концепция библиотеки и принятые в ней техники организации и управления составляют комплексы знаний, передающиеся из одного пространства в другое.
- Репрезентация библиотеки более или менее соответствует присвоению идеальной модели, что также включает процесс трансфера и присвоения. Создание библиотеки определенным образом легитимизирует власть правителя, на которого падает свет универсального знания. Образцом библиотеки

на Западе остается Александрийский Мусейон, причем его модель пытались воспроизвести уже Атталиды в Пергаме: на протяжении истории Александрийскую библиотеку постоянно будут пытаться оживить, основывая все новые и новые, так сказать, «репрезентативные» библиотеки вплоть до Новой Александрийской библиотеки (2002).

- Наконец, эта репрезентативная функция отражается в материальном устройстве. Например, библиотеки немецких князей и аристократов эпохи барокко представляют собой «кабинеты»: здесь есть не только книги, но это и настоящая мизансцена, поскольку аллюзии на Александрию и концепция зеркального отражения мира сохраняют свою значимость. Аналогичным образом, здание библиотеки, возведенное во второй половине XIX века, заявляет о своем идеальном проекте посредством декоративного словаря — от имен авторов и ученых, украшающих фасад новой библиотеки Святой Женеьевы в Париже,

Vittore Carpaccio, *St Augustin dans son cabinet de travail*, 1502. Scuola Grande dei Schiavoni, Venise.

*Витторио Карпаччо. Блаженный Августин
в своем рабочем кабинете. 1502.
Скуола Гранде дельи Скъявони. Венеция*

до головы Минервы, располагающейся над воротами в немецкую университетскую библиотеку в эпоху кайзера Вильгельма. Декоративные модели также циркулируют в соответствии с логикой трансфера, и библиотекам этого не избежать.

Мы встречаем примеры феномена, который появляется на протяжении всей истории библиотек и по сей день: культурный трансфер отсылает к метаморфозе и, поскольку речь идет о библиотеках, он, безусловно, затрагивает как текстовое содержание, так и сам по себе институт, его способы функционирования и репрезентации.

Что можно найти в этой книге: КЛЮЧИ К ЧТЕНИЮ

Это ремарка для читателя о том, что он найдет — и чего не найдет — в этой книге.

Институт и метаданные

Термин «институт» здесь уже неоднократно упоминался. Определение, предложенное Брониславом Малиновским, по нашему мнению, прекрасно подходит для проекта истории такого особого института, как библиотека: «Институт <...> предполагает взаимное согласие по комплексу ценностей. Кроме того, считается, что участники этого института связаны между собой и с окружающим их материальным пространством <...>. Связанные уставом своих проектов <...> они трудятся сообща» [14].

Библиотека как институт определена выше как совокупность текстов, собранных и доступных в конкретном месте. Для уточнения данного определения необходимо учитывать принцип «сохранения доступности» и рассмотреть роль библиотеки в этом отношении — роль иногда парадоксальную, поскольку некоторые книги или тексты, где это уместно, будут определяться как непередаваемые. Проще говоря, библиотека предполагает более

или менее обширную работу по организации текстов в корпус посредством их носителей — книг.

На элементарном уровне эта работа состоит в составлении корпуса текстов и его последующем размещении, например, на этажерках, в более или менее последовательном порядке. К этому образцу отсылает, например, картина Карпаччо начала XVI века, на которой изображен Блаженный Августин в своем рабочем кабинете (Венеция, Скуола ди Сан-Джорджо дельи Скьявони).

Но по мере того, как обрабатываемая масса становится слишком объемной (книг появляется все больше), а условия доступа меняются, возникает необходимость рационализировать работу с носителями (книгами) и их размещение, чтобы содержание книг можно было использовать, необходимо расставить их согласно определенной программе, подготовить каталоги и иметь в распоряжении инструменты взаимодействия. В Арсенальной библиотеке Парижа сам владелец, маркиз де Польми, определенным образом осуществлял такое взаимодействие и ориентировал пользователей в своей гигантской коллекции. Но чаще всего составляются описи и каталоги, ставится специальная мебель для представления серии метаданных — от «книжного колеса» герцога Вольфенбюттеля до установления картотечных шкафов или размещения контента в Интернете в наше время, что позволяет узнать о наличии книги онлайн. Таким образом, спецификой книги является двойная связь хранения медиаматериалов и их обработки.

Такая двойная связь появилась в Александрии в эпоху Птолемея. Фактически роль Мусейона заключалась в сборе данных (свитков) и их хранении в наилучших условиях, а также в работе над содержанием и создании серии метаданных, которые обогатили бы эти носители информации и позволили их использовать. На первом месте среди этих метаданных фигурируют «этикетки» (имя автора, наименование и т. д.), которые описывают содержание и его носителя, а также серии этикеток, то есть каталоги

доступных фондов. Таким образом, библиотека представляет собой механизм одновременно трансфера и посредничества, за счет вводимых процедур работы с книгами [15]. Именно об этом говорит Шреттингер в 1834 году, когда дает следующее определение библиотеки: «Это значительное собрание книг, устройство которого облегчает их использование со всех точек зрения» [16].

Собирая, классифицируя тексты и предоставляя к ним доступ, библиотека также выполняет функцию предписывающего органа, устанавливающего определенный порядок. Выбор приходится делать при организации собрания книг, а также по вопросу материального расположения книг и их доступности: вопрос о запрещенных книгах (или книгах, о которых нельзя сообщать) возникает во многих библиотеках до революции 1789 года и остается актуальным до сих пор. Библиотека аббатства или колледжа доступна не всем, а количество наименований, предоставляемых публике без помощи библиотекаря (книг, находящихся в свободном доступе), не так велико. Патрик Базен объясняет факт, касающийся современных публичных библиотек: «Библиотека <...> это организация знаний, которая функционирует как декантор, где публикации проходят через ряд фильтров <...> расположение залов, классификацию по полкам, каталожным ящикам, тезаурусам и т. д. На вершине айсберга — образцовые, синтетические, вечные произведения, в отношении которых достигнут общественный консенсус; в глубинах — самые необычные, самые неортодоксальные произведения, которые труднее всего найти; ближе к центру — ярусное распределение знаний, подкрепленное энциклопедической концепцией мира».

Библиотеки — это институты культурного трансфера, но этот трансфер осуществляется согласно определенным процедурам, которые сами способствуют передаче модели.

Что вы найдете в этой книге...

Следовательно, здесь мы предлагаем «историю библиотек», причем библиотеки определяются согласно функциям, которые мы

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

БАРБЬЕ ФРЕДЕРИК

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК

Коллекционеры. Тексты. Здания

Ответственные редакторы М. Терехова, Е. Солодовникова

Выпускающий редактор А. Кочкина

Редактор С. Хартманн

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры О. Левина, П. Шевнина

Компьютерная верстка Е. Потысьева

В оформлении обложки использованы иллюстрации

© Arina Ulyasheva / Shutterstock.com; © AlexeyMaltsev / Shutterstock.com;

© Diliff / WikimediaCommons / CC BY-SA 4.0

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.10.2025.

Формат 60×88^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «CharterITC».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,44.

Тираж 2000 экз. М-АТГ-36487-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+